

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
Одна смертельная тайна

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

ВСТРЕЧА
ПО-АНГЛИЙСКИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Встреча по-английски / Людмила Мартова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208714-1

Перемены в жизни Марии Листопад начались, когда она без памяти влюбилась в актера Джуда Лоу. Чувство было настолько сильным, что Маша взяла отпуск и засела за изучение английского. Ее усилия не пропали даром — вскоре она познакомилась с двумя симпатичными британцами, приехавшими в командировку. Тут-то и пригодилось знание языка, ведь оба джентльмена принялись ухаживать за одинокой девушкой. По странному стечению обстоятельств они проявляли недюжинный интерес к ее квартире, и вскоре там был убит любимый отчим Маши, не вовремя заглянувший навестить ее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208714-1

© **Мартова Л., 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024**

Замечательным
Светлане Зининой
и Кристине Беленко,
моим внезапно
обретенным
сестрам по духу.

*Было когда-то на свете двадцать пять
оловянных солдатиков. Все сыновья
одной матери – старой оловянной
ложки – и, значит, приходились
они друг другу родными братьями.
Это были славные, brave ребята: ружье
на плече, грудь колесом, мундир красный,
отвороты синие, пуговицы блестят...
Ну, словом, чудо что за солдатик!
Двадцать четыре были совершенно
одинаковые – одного от другого не
отличить, а двадцать пятый солдатик
был не такой, как все.*

Г.Х. Андерсен

ГЛАВА 1

Позже, оглядываясь назад и пытаясь вспомнить, что послужило отправной точкой в этой долгой и невероятной истории, Маша отчетливо понимала – все началось с того, что она влюбилась в Джуда Лоу.

Ну, то есть тогда, открыв для себя сериал «Молодой папа», а вместе с ним этого, доселе неизвестного ей британского актера, она решила, что влюбилась. Все симптомы были налицо – лихорадочный блеск в глазах, потеря аппетита, полное отвращение при виде любой встреченной на улице человеческой особи в штанах, апатия к работе и вместо этого судорожный поиск в Интернете любой информации, имеющей отношение к объекту ее внезапно вспыхнувшей страсти. Видеть не хотелось никого, даже горячо любимую подругу Лилию и не менее горячо любимую начальницу Лавру.

Точнее, их не хотелось видеть особенно сильно. При взгляде на Лилию, недавно вышедшую замуж, причем во второй раз, Маша особенно остро ощущала свое несовершенство, поскольку к своим тридцати шести годам

в ЗАГСе не была ни разу и шансы свои в этом плане оценивала как нулевые. Лавра же и вовсе была совершенством во всем. Трогательно хрупкая в свои шестьдесят шесть с копейками, она выглядела на двадцать лет моложе, сохранив не только девичью фигуру и буйство непокорных кудряшек на голове, но и ясность мысли, стойкость характера и умение во всем находить позитив.

Кроме того, обе знали Машу Листопад как облувленную, поэтому раскусили бы с первого взгляда на ее одухотворенное любовью лицо. Лиля, которая, хоть и сидела сейчас в декрете, хватки, присущей помощнику начальника следственного управления, не потеряла. А Лавра, по стечению обстоятельств на данный момент приходившаяся Лиле свекровью, и вовсе имела глаз-алмаз.

Признаваться про Джуда Лоу не хотелось. И подругу, и начальницу Маша нежно любила, а потому выглядеть в их глазах непроходимой душой было как-то стыдно. В том, что она – непроходимая дура, сомнений как раз не было. Да даже если бы и были, то мама справилась бы с ними в два счета. Мамин язвительный голос, пытающийся вразумить дочь, причем отнюдь не по доброте душевной, звенел у Маши в ушах:

«Все люди как люди. Заводят романы с инженерами, врачами, учителями или, на худой конец, сантехниками. Замуж выходят и детей рожают. А ты все мечтаешь, Мария. Мечты – это, конечно, прекрасно. Но реальная жизнь к ним никакого отношения не имеет», – обычно мама бурчала примерно так. Была права, конечно, но

слышать это еще и от Лили с Лаврой было бы выше Машиных сил.

Не то чтобы хорошо подумав, а скорее от навалившейся на нее безысходности, Маша отпросилась у Лавры в отпуск, в котором не была два года, наврала и начальнице, и подруге, что стала обладательницей горячей, а потому очень дешевой путевки на Кипр, заперлась дома наедине с Интернетом и телевизором и, как говорят англичане, «упала в любовь».

Человеком она была деятельным, а потому записалась на онлайн-курсы по изучению английского языка, которым можно было заниматься, не выходя из дома. Учила она его давно, плохо и недолго, а изъясняться на великом языке Шекспира, Байрона и Джуда Лоу стало для нее на данном этапе жизненной необходимостью. В ночных грезах Маша представляла, как освоит язык, найдет в Интернете какую-нибудь лондонскую фирму по организации праздников, докажет свой профессионализм и наймется на работу.

Как и что она собиралась доказывать, она не знала, но в мечтах это было, в принципе, и не важно. В глубине души Маша прекрасно понимала, что берега Альбиона так и останутся для нее туманными, а возможная случайная (или тщательно подготовленная) встреча на лондонской улице с красавцем Джудом состоится лишь в ее воспаленном воображении, но мечтала горячо и истово.

«Признайся, тебе просто скучно жить, — как-то сказала она своему отражению в зеркале. — Ты умеешь устраивать праздники другим людям, за что тебя и це-

нит Лавра, но ты совершенно неспособна на организацию праздника самой себе. У тебя профессиональная деформация, Листопад. Плюс неустроенная личная жизнь. Твое унылое существование не имеет ни малейшего смысла, это тебя и изводит. Ты боишься, что твое будущее так же уныло, как и настоящее. Боишься, но не предпринимая ничего, чтобы это изменить. Тебе проще мечтать о несбыточном, чем менять реальность. Как там в сериале говорит папа Пий Тринадцатый? «Я – не мужчина, я – трус». Так вот и ты, Листопад, – не женщина. Ты – трусиха». И сказав это, она расплакалась, с отращением глядя на отражавшееся в зеркале лицо.

Изучением английского она занималась с судорожным отчаянием, как будто от этого зависела жизнь, тратя на это по три-четыре часа в день, до рези в глазах и до звона в ушах всматриваясь в строчки и вслушиваясь в незнакомую речь. В остальное время Маша пялилась в экран телевизора, просматривая один за другим фильмы с участием ее божества, прокручивая обратно самые захватывающие моменты и иногда нажимая на кнопку «Стоп», чтобы посмотреть на застывшее на экране лицо, красивое и притягательное до стона в горле. Маша Листопад умела любить. Жаль только, что никто так и не смог по достоинству оценить этот ее несомненный талант.

В принципе, у нее, конечно, были и другие таланты. В принадлежащей Лавре ивент-фирме, самой крупной в их городе организации, проводящей праздники «под ключ», Маша была главным человеком. После Лавры,

разумеется. Она придумывала сценарии, вписывала в них элегантные «фишечки», которые потом надолго запоминались всем гостям, точно и четко составляла сметы, вписывалась в них тютелька в тютельку, продумывала и учитывала каждую мелочь, умела договариваться с любым, самым капризным заказчиком и с любым, самым неисполнительным поставщиком.

Лавра не раз и не два говорила о том, что считает Машу своей преемницей, но то ли от того, что начальница вовсе не собиралась на покой, то ли от выпестованной мамочкой неуверенности в себе поверить в то, что она действительно чего-то стоит, Маша не могла. Работу свою она любила и до сих пор удивлялась, что за такое приятное времяпровождение ей еще и платят, уставала от проводимых мероприятий безмерно, в целом же была уверена, что жизнь ее не удалась, хотя и устоялась. Перемен Мария Листопад не ждала, в их возможность не верила и, как правило, находилась в состоянии уравновешенного спокойствия и фатализма. Эх, если бы еще не Джуд Лоу!

Двухнедельное затворничество подходило к концу, впрочем, так же, как и запасенная на него провизия. Выходить в магазин Маша не рисковала, чтобы не быть пойманной на своем вранье. Уехала, значит, уехала. На фоне любовных переживаний и стремительного овладения английским есть она практически не могла, так что купленных фруктовых компотов, банок с тушенкой и запасов картошки с морковкой ей хватило с лихвой. Со-

жалела она только об одном – рано или поздно нужно было возвращаться в реальную жизнь.

«А может, уволиться с работы, – размышляла Маша. – Буду сидеть дома и писать сценарии для Лавры. На еду и коммуналку хватит. А больше мне все равно по большому счету ничего не нужно».

«Не лги самой себе, – вступал в диалог внутренний голос. – Тебе-то, может быть, действительно нужно совсем немного. Но у тебя есть мама, и она вряд ли согласится с тем, что ты решила больше не работать».

Аргумент был весомым. Последние лет десять мама существовала исключительно на Машины доходы, и ее запросы были гораздо масштабнее, чем у самой Маши. Парикмахер, косметолог, маникюрша и педикюрша приходили к маме на дом раз в неделю. Продукты она покупала исключительно в дорогих супермаркетах, коньяк пила только французский, а одежду приобретала в бутике «Гардероб», в который Маша не могла заходить без внутреннего содрогания. Сама она носила только джинсы, стараясь приобретать их в секонд-хендах, но маме отказать не могла. Да, пожалуй, идея уволиться с работы не прокатит.

Маша собралась в очередной раз вздохнуть из-за собственного несовершенства, но не успела. Зазвонил телефон. «Лиля», – было написано на экране, и Маша все-таки вздохнула.

– Привет, пропажа, ты уже вернулась? – приветствовал ее звонкий голосок подруги, и Маша вдруг почувствовала себя неловко. В конце концов, Лиле было

вот-вот рожать, а Маша даже ни разу не удосужилась хотя бы в сообщении узнать, как у нее дела. Впрочем, за Лилю можно было не переживать. С такой семьей, как у нее, пропасть было невозможно.

– Вернулась, – покорно сказала Маша. – Ты там как?

– Да я-то нормально, – подруга, как всегда, внутренним камертоном чутко настроилась на ноты Машиного настроения, – а ты какая-то не такая, Листопад. Для человека, только что прилетевшего с Кипра, у тебя слишком унылый голос. Поездка не удалась, после самолета устала или влюбилась?

Нет, Лилия Ветлицкая умела смотреть в корень. Маша снова вздохнула.

– Лилька, не приставай ко мне, а, – жалобно попросила она. – Я потом тебе все расскажу. Честное слово.

– Рассчитываешь, что я рожу, погружусь в круговерть пеленок и сосок и про тебя забуду? – пронизательно спросила Лиля. – Даже и не надейся, Листопад. Ничего у тебя не выйдет. Что? – теперь она говорила куда-то в сторону. – Да, хорошо. Валерия Сергеевна тебе привет передает, – ее голос снова послышался у Маши прямо в ухе. – Спрашивает, нормально ли ты отдохнула и когда выйдешь на работу? Вы какой-то новый заказ взяли, так что она без тебя как без рук.

– Скоро, – сказала Маша чужим, набухшим вдруг голосом. Слезы встали в горле, мешая словам. – Скажи, что я скоро выйду, Лиль. В следующий понедельник. Еще немного дома посижу и выйду. Куда я денусь.

– Ты там что, плачешь, что ли? – с подозрением спросила Лиля. – Слушай, Машка, хочешь, я к тебе сейчас приеду? Я же слышу, у тебя там что-то серьезное.

– Нет, не надо ко мне приезжать. – Маша так всполошилась, что даже плакать перестала. – Лиль, ну что ты придумала, право слово. Тебе рожать через две недели, а ты все скачешь, как Гаечка в мультике «Чип и Дейл спешат на помощь». Все у меня нормально, а что ненормально, то уже не исправишь. Не о чем и говорить. Все, давай, целую. Привет Лавре.

Она нажала на отбой раньше, чем Лиля успела что-то возразить, упала лицом в подушку и отчаянно зарыдала.

* * *

То, что он ищет уже несколько лет, теперь находилось совсем рядом. Осталось только руку протянуть и взять принадлежащее ему по праву. Боже мой, сколько же усилий для этого понадобилось. Оглядываясь назад, он понимал, что ни за что бы не прошел весь этот путь заново. А может быть, и прошел бы... Сумма, стоящая на кону, по крайней мере, точно стоила любых затраченных на нее усилий.

Он с отвращением оглядел комнату, в которой находился, и даже передернулся от охватившего его омерзения. Он мог остановиться в гостинице, принимающая сторона была вполне способна выдержать такие расходы, но в деле, которое он затеял, ему нужна была свобода передвижений и способность оставаться неза-

метным. В гостинице это было вряд ли бы возможно, и он выбрал съемную квартиру, старую и убитую, но в таком месте, где до него точно не было никакого дела соседям.

Боже мой, как же он это все ненавидит! Стены, оклеенные дешевыми обоями, вечно подтекающий унитаз в туалете, журчание воды в котором не дает ему спокойно спать по ночам. Или это не вода прогоняет сон, а нечистая совесть? Нет, ему нечего стыдиться, поскольку он пришел не за чужим, а за своим. Он просто восстанавливает историческую справедливость, не более того... Вернуть свое – не значит украсть. Нет, он не вор и ни на минуту не позволит самому себе усомниться в этом.

Старое зеркало в дверце такого же старого шкафа, стоящего в углу комнаты, которую он снимал, безучастно отражало крепкую, чуть коренастую мужскую фигуру и насупленное лицо со сверкающими глазами цвета стали. Мужчина в зеркале знал, что нравится женщинам. Всем женщинам, без исключения. Его план отчасти был построен именно на этом: понравиться женщине, которая стоит между ним и принадлежащей ему вещью, втереться в доверие, попасть в дом, понять, где именно она ЭТО хранит, и, оставшись одному в квартире, забрать. Главное – не привлечь внимание к этой вещи. Ведь девица понятия не имеет, что именно попало ей в руки. И узнать не должна. Если она не поймет, чего именно лишилась, это будет хорошо. Правильно.

Он посмотрел на висящий на стене календарь и тихо выругался себе под нос. На все про все у него осталось

не так уж и много времени. Скоро уезжать, а он еще с ней даже не познакомился. Слишком долго он собирал нужную информацию. В чужом городе трудно сделать это, не выказывая своего особого интереса.

Ему казалось, что все вокруг следят за ним с преувеличенным вниманием. Отчасти так оно, наверное, и было. Для этого старинного, чуть сонного провинциального города он был диковинной птицей, невесть как занесенной сюда попутным ветром. Поймать, окольцевать, приручить, под крылом этой птицы унести в другую жизнь – это стремление, не прикрытое хотя бы тончайшей кисеей скромности, он читал в глазах всех встреченных тут женщин.

Жадность, нетерпение, расчет, цинизм и похоть видел он в этих глазах. Не любовь, не интерес, нет. Что ж, это только облегчало его задачу. Та, единственная, ради которой он приехал в эту тьмутаракань, по всем законам жанра должна была оказаться точно такой же – расчетливой и циничной. Именно поэтому он заранее не испытывал ни стыда, из-за того что собирался сделать, ни жалости к ней, неизбежно обманутой. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Об этой женщине, которую он выпасал уже больше месяца, он знал все – от маршрута, которым она добиралась от дома до работы и обратно, до потенциальных деловых партнеров и привычки закупать продукты один раз в неделю, чтобы потом сгибаться под тяжестью огромных пакетов с провизией. Кстати, именно на этом и строился его план – помочь ей поднести пакеты от

машины до дома и тем самым завязать знакомство. Вот только сделать этот последний шаг, отделявший его от цели, он никак не мог, потому что женщина внезапно пропала.

Он бы голову дал на отсечение, что она не могла никуда уехать, потому что в ее квартире каждый вечер исправно зажигался свет. То в кухне, то в маленькой комнате, служившей спальней. В гостиной свет не горел никогда, но там по вечерам давал синеватый отсвет экран работающего телевизора, так что он был уверен – хозяйка дома. Вот только на работу она отчего-то не ходила и даже за продуктами не вышла ни разу. Болеет, что ли?

Странно было и то, что к ней тоже никто не приходил, хотя до этого он не замечал, чтобы она была особенной затворницей. К ней периодически заходили подружки, то какие-то коллеги. Только женщины, правда. Мужчин не было ни одного, но это ему было только на руку.

Он снова мельком посмотрел в зеркало и, подойдя к окну, выглянул за занавеску. Ужасный стылый январь, такой холодный, что он был уверен, что отдаст здесь богу душу, замерзнет навсегда в этом диком медвежьем углу, сменился унылым, бесконечным, но все-таки дающим надежду выжить февралем. Если бы такая погода была дома, то спать приходилось бы в пальто, а здесь ничего, в квартирах хорошо топили, поэтому было тепло.

Местные коллеги на работе обсуждали огромные счета за отопление, которые они были вынуждены опла-

чивать, но он только посмеивался про себя. Знали бы они, что такое счета за отопление...

Он еще раз оглядел белеющий внизу прямоугольник двора, покрытый черными отпечатками протекторов машин, тщетно ищущих свободное местечко для парковки, и нехотя начал одеваться, собираясь на свою ежевечернюю вахту. Конечно, шансов, что она сегодня выйдет, никаких, но любое дело нужно делать хорошо и ответственно, не полагаясь на случай и не давая себе поблажек. Только так можно достичь цели. Он тщательно застегнулся, чтобы победа мороза не была совсем уж легкой, щелкнул выключателем и шагнул за порог.

* * *

После бурных рыданий пришлось идти умываться. Маша с отвращением рассматривала в зеркале свою опухшую физиономию, растравляя и без того кровоточащие душевные раны.

«Твое проклятие кроется в фамилии, – мрачно думала она. – Ты – Листопад. По-английски это звучит «fall of the leaf», и второе значение этой фразы переводится как закат жизни, осень... Вот у тебя и наступил закат жизни, причем такое чувство, что чуть ли не с рождения и наступил...»

Впрочем, Маша прекрасно знала, что слегка кривит душой. Детство ее было вполне счастливым и юность тоже, по крайней мере, до тех пор, пока была жива бабушка. Бабушка Машу обожала. Она даже старалась

особо не расстраиваться из-за того, что ее ветреная дочь, Машина мама, порхает по жизни, меняя мужей и любовников, поскольку это позволяло ей самой отвечать за Машу – заплетать ей косички, варить сладкую-сладкую манную кашу, обязательно с крыжовенным вареньем, покупать новые куклы, шить красивые платья, объяснять содержание сложных книг и приучать любить классику, русскую и английскую.

Маша была бабушкиным солнышком, а бабушка – Машиной вселенной. И им всегда было очень хорошо вдвоем. В их тесном мирке не оставалось места для каких-то там мальчиков. Туда допускалась только верная Лиля, с которой Маша познакомилась и подружилась, гуляя в общем дворе. Лилю они с бабушкой считали за свою, а больше им был никто не нужен.

Потом, когда Маша уже выросла, закончила школу, поступила на филфак педагогического университета и, по логике, должна была бы все-таки начать интересоваться молодыми людьми, бабушка уже сильно болела и ее нельзя было оставлять одну вечерами. С возрастом бабушка стала маленькой и хрупкой, растеряв свою былую статью и дородность, словно усохла, и Маша с болью смотрела на нее, понимая, что это «уходящая натура», которой совсем скоро не станет.

Она ни за что не променяла бы минуты общения с бабушкой на каких-то там ненужных, заранее скучных и слегка потертых молодых людей, так разительно непохожих на книжного князя Андрея, их любимого с ба-

бушкой персонажа. Других на филфаке не предлагали, а больше Маша никуда не ходила.

Институт был позади, Маша устроилась на работу сначала в школу, которая занимала все ее время и мысли без остатка, а потом в открытую Валерией Сергеевной Лавровой фирму по организации праздников. Себя Маша веселым человеком не считала, но сценарии этих самых праздников у нее отчего-то получались легкими, искристыми, как шампанское, радостными и красочными, как радуга на голубом небе.

Бабушка умерла, мама в очередной раз развелась и, не найдя нового мужа, готового обеспечивать ее жизненные потребности, взвалила это бремя на Машу, а та и не думала сопротивляться. После смерти бабушки ей отчаянно нужно было о ком-то заботиться, чем мама и воспользовалась. Так и жили, пока Маша не посмотрела сериал «Молодой папа» и не поняла, что у нее случился закат жизни.

Точную формулировку того, что ее мучает, она услышала в другом знаменитом фильме все того же удивительного итальянского режиссера Паоло Соррентино. Фильм назывался «Великая красота» и принес Соррентино «Оскара», а фраза звучала так: «Август уже закончился, сентябрь еще не наступил, а я такой заурядный». Вот именно так Маша себя и ощущала – заурядностью, оказавшейся в безвременье между летом и осенью – то есть в ту самую пору листопада.

Умывшись, она снова понуро улеглась на кровать, пытаясь заставить себя сделать хоть что-то осмыслен-